

Никольский Виктор Александрович

Петр Петрович Кончаловский

УДК 82-3
ББК 84-4
В43

В43 **Виктор Александрович Н.**
Петр Петрович Кончаловский / Никольский Виктор Александрович – М.: Книга по Требованию, 2025. – 198 с.

ISBN 978-5-519-99796-6

ISBN 978-5-519-99796-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТ АВТОРА

Новизна типа настоящей книги вызывает необходимость в некоторых предварительных пояснениях. Эта книга не претендует на значение обычной искусствоведческой монографии, потому что развитые искусствоведческие анализы и оценки заменены здесь мимолетными комментариями, дополнениями и высказываниями самого художника. Невозможно было бы назвать ее и автобиографией мастера, потому что Кончаловский наотрез отказался писать о самом себе. «Когда-то в детстве, по настоянию отца, я много писал и как будто добился некоторых успехов в литературном деле, — заявил художник. — Но потом я совершенно разучился писать и даже простые письма пишу теперь неохотно».

Эта книга приближается к тем беседам с крупными мастерами об их творчестве, какие издавал в Париже Поль Гзелль, потому что в ней видное место занимают высказывания самого художника о своих взглядах на искусство, о творческих своих методах и приемах, о достоинствах и недостатках своих произведений. Но эти высказывания соединены здесь с изложением фактов из биографии художника и в целом дают очерк истории творческой жизни Кончаловского. В этом и заключается новизна типа нашей книги.

Самую трудную задачу при этой первой попытке создать историю творческой жизни художника на основе его собственных высказываний, естественно, составляла запись подлинных слов художника, которая, конечно, никак не могла ограничиться простой работой стенографа и авторской корректурой стенографических записей, потому что Кончаловский отнюдь не произносил заранее подготовленных речей, а вел непринужденные беседы о себе и своем искусстве. Здесь приходилось объединять все сказанное по данному вопросу во время многочисленных бесед; многое понадобилось исправлять и уточнять, пока не было получено авторизованного Кончаловским текста его высказываний.

Давая, с одной стороны, материалы автобиографической ценности для авторов будущих монографий о Кончаловском и марксистских историков советского искусства, эта книга окажется в то же время несомненно полезною и для советской художественной молодежи, потому что она раскрывает творческий метод художника с такой полнотой, с какою он едва ли мог бы быть раскрыт в монографии обычного типа, где первое место и слово отдается искусствоведам, а не самому художнику. Ценность или спорность взглядов и оценок принадлежат здесь самому художнику, а не толкователю его творчества, и в этом заключается, по нашему мнению, новизна настоящей книги, разумеется, не лишенной недостатков, как и всякие начинания.

Во всяком случае, художественный путь и опыт Кончаловского освещены здесь достаточно полно, и творческие процессы одного из крупнейших мастеров советского искусства представляются довольно ясными, а это, именно, и являлось основной нашей задачей.

I

Родители — «нигилисты». — Первые впечатления детства. — Любовь к лошадям. — Знакомство с масляными красками. — Жизнь в Харькове. — Влияние семьи. — Домашние спектакли. — Искусство в школе и дома. — Переезд в Москву.

Старобельские помещики начала шестидесятых годов искренне обрадовались, когда из Петербурга приехали в свою «Ивановку» новые люди — молодые супруги Кончаловские. Но эта радость быстро развеялась: новые люди привезли с собою «вредные» идеи о любви к народу, держались как-то замкнуто, словом, оказались мало подходящими людьми для окружавшего их мелкого дворянства, привыкшего жить одними бытовыми и сословными интересами. И свободная, подчас резковатая речь Кончаловского, и образованность Кончаловской, — все не нравилось старобельским помещикам, но больше всего не понравилось им то, что «нигилисты» Кончаловские оказались «плохими» хозяевами. Доброе их сердце всегда становилось поперек путей к извлечению помещичьих доходов, от чего они не только разорялись сами, но и соседям мешали «экономически» вести хозяйство, «развращая мужика» своей добротой. Так и остались Кончаловские «белыми воронами» среди старобельского помещичества.

Когда в 1876 году родился у Кончаловских второй сын, Петр — будущий художник, старый, серый помещичий дом в Ивановке был полон уже ребят. Петр был пятым.

Родители так же «не умели» воспитывать детей, как и вести хозяйство. Но от этого-то «неумения» еще в детские ранние годы залегли в Кончаловском семена той внутренней духовной свободы, которой дорожит он больше всего, которою упрямо не поступался он даже в самые трудные времена жизни. А жизнь далась ему совсем не легко, как можно было бы подумать, глядя на неизменно жизнерадостную живопись Кончаловского последних лет и на него самого — высокого крепкого человека, всегда пышущего энергией, бодростью, здоровьем, вечно улыбающегося, великого охотника подмечать смешные стороны и явления в жизни.

Самое яркое воспоминание раннего детства художника — это ивановские конюшни, лошади, каретные сараи. Там пропадал ребенок по целым дням, забираясь под кожаные фартуки экипажей, вдыхая колющие запахи кожи. И эту детскую любовь к лошадям Кончаловский пронес не только через всю жизнь, но и через свое искус-

Плющи, 1908
Les lierres

ство: лошадь — один из любимых им объектов изучения и воплощения в живописи. И уж от лошадей и через лошадей распространяется любовь Кончаловского на других домашних животных, вплоть до свиньи «Рауля», «портрет» которой был показан художником на своей выставке 1932 г.

Дела с имением у Кончаловского шли так плохо, что Кончаловский-отец должен был искать службы, и его выбрали мировым судьей. Отправляясь в служебные поездки по своему округу, он нередко брал с собою и маленького Петра. С той поры жизнь ребенка насытилась новыми переживаниями и приключениями. То пугал его в сумерках своим «страшным огнем» светляк на дереве, то заставляли дрожать и прижиматься к отцу нескончаемые рассказы ямщиков о лихих подвигах конокрадов, то ночью, на постоялом дворе, так жутко становилось отчего-то, что торопливо перебирался он со своей постели к отцу и прятался за его теплой спиной.

Во время этих поездок произошло и первое знакомство с масляными красками. Однажды отец с сыном заехали в имение к знакомым — Арцимовичам, где кто-то писал масляными красками. Пристрастие Кончаловского-сына к рисованию в ту пору стало уже появляться, и он с особым интересом занялся осмотром ящика с красками. Не зная, как с ними обращаться, ребенок выдал себе на руку чуть не целый тюбик ультрамарина и очень перепугался. Побежал мальчик в кухню, схватил мыло, принялся усердно мыть руки и в полном ужасе, увидав, что теперь уже обе руки стали темно

синими, отчаянно расплакался. Так и кончилось неутешным плачем первое знакомство с живописью, с тем, что стало потом радостью всей жизни Кончаловского.

Еще подозрительнее начали относиться соседи к Кончаловскому-отцу, когда тот стал мировым судьей. «Революция» грезилась во всем — и в приговорах судьи Кончаловского, и в его знакомствах: он дружил с соседом по имени В. А. Тихоцким, который действительно был причастен к революционному движению, в Ивановке бывала Вера Фигнер. Наконец кто-то донес, кажется священник, что Кончаловский ведет пропаганду среди крестьян, в чем была своя доля правды. Судью внезапно арестовали в камере, на месте службы, а в Ивановку примчались жандармы с обыском. Пока они были еще в деревне, крестьяне прибежали в усадьбу с вестью: «за барином приехали». Вслед за ними явились и сами гости, как всегда предупредительные, любезные. Угощали детей конфетами показывали им фотографическую карточку Фигнер и выпрашивали: «А скажи, деточка, давно была у вас эта тетя. Ведь вы знаете ее, она приезжала к вашему папе». Что было найдено при обыске, неизвестно, но жандармы несомненно нашли нелегальную литературу.

Еще больше такой литературы прятали у себя на деревенских чердаках распропагандированные Кончаловскими ивановские крестьяне, но до нее не добрались жандармские ищейки. В итоге «преступник» был выслан на два года в Холмогоры, и для семьи настали такие морально и материально трудные времена, что пришлось совсем оставить Ивановку и переселиться в Харьков. Но и здесь жилось не легко, пока не вернулся из ссылки Кончаловский. Снова появились в квартире жандармы, были обыски, арестовали и держали в тюрьме Кончаловскую.

Когда вернулся из Холмогор отец, выучившийся там по-английски и занимавшийся с товарищем по ссылке Яковенко различными переводами, жить стало легче. Как-то летом детей послали к знакомым в имение под Николаевым, и соскучившийся по деревне и лошадям Петя Кончаловский зажил там полной жизнью, сдружившись с конюхами, помогая им в конюшне, купая лошадей в лимане. Так прошли дошкольные годы Кончаловского. Отец хотел было отдать сына в морской кадетский корпус, пустить по дедовской дороге, но решительно воспротивилась мать, и Кончаловский поступил в 3-ю Харьковскую гимназию.

Кончаловские были людьми культурными: отец, Петр Петрович, великий почитатель классиков литературы и музыки, систематически прививал свои вкусы детям, воспитывая в них непримиримых врагов пошлости. И это ему удалось: более яркого врага пошлости, чем Кончаловский, трудно и представить — боязнь пошлости граничит у него подчас с какою-то болезненностью. В этой области он до такой степени непримирим, что не поддается ни на какие убеждения и не видит никаких доказательств даже в тех случаях, когда его приговоры явно несправедливы. Мать Виктория Тимофеевна всю жизнь была для детей живым энциклопедическим словарем. Она так и запечатлелась в памяти художника — лежащей с книгой на диване и отвечающей на самые разнообразные вопросы детей-школьников, которые вместо словарей привыкли прибегать с вопросами к матери, хорошо знавшей иностранные языки. Даже о латыни ее подчас спрашивали, и она всегда давала ответ с осторожной, впрочем, добавкой: «Должно быть так».

Старшая дочь Кончаловских была даровитой артисткой, а потому их квартира часто наполнялась представителями сценического искусства. Запомнились Андреев-Бурлак, Родон, изредка бывали музыканты, но не художники, — связи с ними начались позднее, уже в Москве. По временам устраивались у Кончаловских домашние спектакли, и в них участвовала Кончаловская-мать, играла сваху в «Женитьбе». Бывали постановки и для детей: инсценировка крыловской басни «Лжец», для которой домашний художник изображал на декорациях мост и деревья на берегу реки.

Рисунок «Пальмы», 1910
Palmiers

Пушкинский «Скупой рыцарь» ставился с двойным участием Кончаловского: как исполнителя роли Альберта и автора декораций для сцены в темнице. Так еще в детские годы проснулся Кончаловский как художник театра. Громадные руки мальчика породили у родителей желание учить его музыке, но хоть и сам знаменитый Изаи, концертируя в Харькове, снисходительно потрепал ребенка по щеке, особых успехов в музыке Кончаловский не обнаружил.

Занятия рисованием шли своим чередом. Кончаловский посещал Харьковскую частную художественную школу Раевской и с первых же шагов его больно царапнула школьная дисциплина. Учительница заставляла рисовать с натуры какую-то спираль, тогда как рядом другие ученики уже рисовали костюмы, одетые на манекены. И эта «схоластика» казалась такою обидной и непонятной, что Кончаловский долго мучился со скучнейшей, никак не удававшейся спиралью. За то вне школы с увлечением изображались при помощи четырех красок сложнейшие сюжеты, вплоть до кораблекрушения Робинзона. Но самым неизгладимым впечатлением этих лет был художник, писавший с натуры плакучие ивы, случайно увиденный Кончаловским. Он даже дыхание затаил, когда смотрел и казалось, что на самом, покрытом красками холсте глухо жужжат шмели и пчелы. Потом мальчик познакомился с художником Левченко, бывал у него в мастерской и сам пытался работать красками.

Но рядом с этой жизнью шла и другая, быть может, еще более заманчивая, дававшая выход буйным силам ребенка. Он был настоящим коноводом, вокруг которого образовалась «невероятная» компания ребятишек.

Рисунок «Матадор», 1910
Le Matador

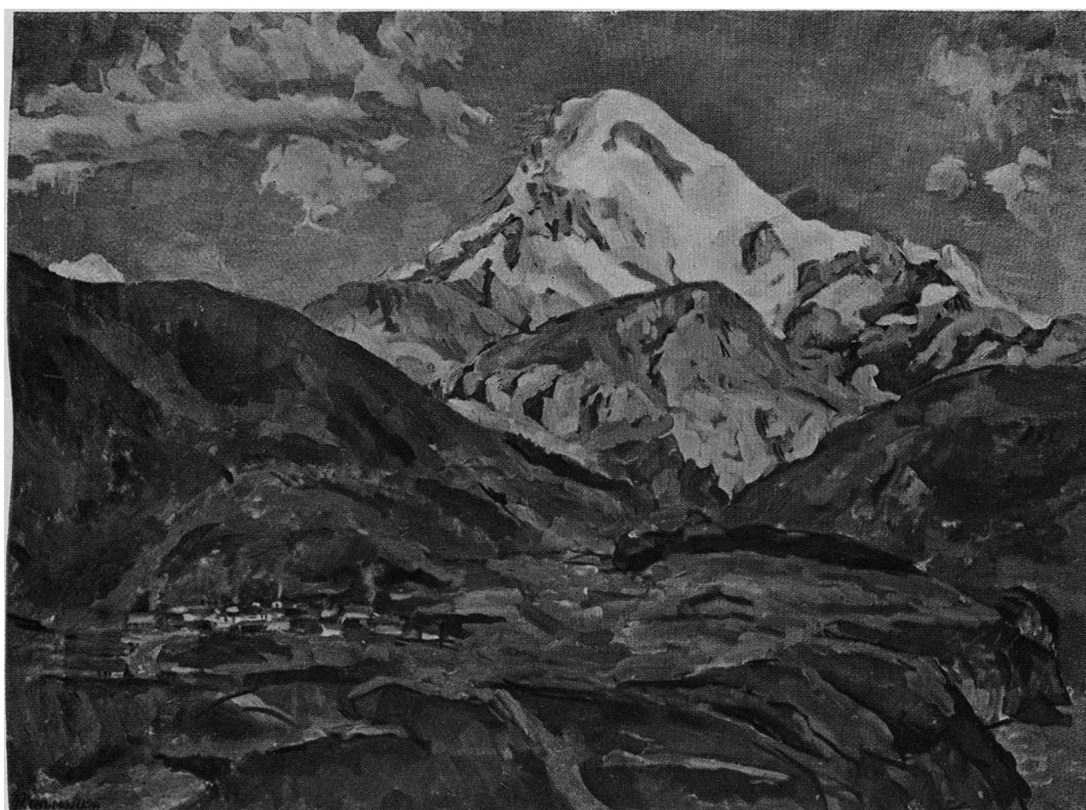
Начитавшись Майн-Рида и Робинзона, ребята решили спасти население Сумской улицы от бешеных собак. А так как летом, как известно, «все собаки бывают бешеными», то они беспощадно обстреливались из рогаток с резинкой, из стрелявших дробью запаянных игрушечных пистолетиков, наконец, из составлявшего особую гордость Кончаловского и его отличие как «вождя» ружья с полосатым прикладом, которому могли бы позавидовать и герои самого Майн-Рида. Но обстрелу подвергались не одни собаки. Наслушавшись резких отзывов отца и матери о различных харьковских буржуях, Кончаловский-сын «с товарищами» обстреливал из рогаток и проезжавшие по Сумской улице коляски местных богачей. С особым удовольствием обстреливался известный реакционер, издатель «Южного края» Юзефович, потому что его особенно часто бранил Кончаловский-отец.

Несмотря на категорические запрещения, Кончаловский разводил голубей, и как-то раз ему пришлось даже спрыгнуть с крыши прямо на землю, чтобы отец не увидел. Многие проделки сходили с рук, но бывали, конечно, и синяки и оторванные в драке рукава — детство брало свое.

От этой харьковской поры, о бок с ненавистью ко всему пошлому и мещанскому, на всю жизнь сохранились у художника признаки «буяна» и «коновода», осталась привычка к быстрым и неожиданным, но всегда самостоятельным решениям, к резким выходкам и подчас даже проказам чисто школьным. Кончаловского и теперь, как в харьковские времена, слегка побаиваются, рассказывая о его «чудачествах» и «капризах».

К концу восьмидесятых годов Кончаловский-отец сошелся с жившим в Харькове доктором Кервили, и они затеяли было свое издательство, но охранка, разумеется, не могла допустить, чтобы «подозрительные элементы» занимались столь опасным делом. Издательство было запрещено, а Кервили, как иностранный подданный, выслан за границу. После этого Кончаловский-отец уехал искать работы в Москву и вскоре выписал туда и всю семью.

Переезд в Москву имел для Кончаловского решающее значение: там живопись окончательно и навсегда стала на первое место в жизни, вытесняя и заслоняя все другое, там окончательно определилось его жизненное признание, «жизненное» не для красного словца, а на самом деле, потому что для Кончаловского, каким мы его знаем теперь, нет жизни вне живописи, потому что везде и всегда он остается живописцем — жадным собирателем зрительных впечатлений, полным дум о новых и новых творческих замыслах, натиск которых так силен, что при всей изумляющей работоспособности художника у него никогда нехватает времени на их реализацию, и давно заведенная папка для набросков с надписью: «Несбыточные мечтания» полнится год от года, хоть из нее и вынимаются по временам листки «мечтаний», уже воплощенных в линиях и красках.

Казбек утром. 1927.
Le Kazbek au matin (Caucase). 1927.

